

КОРОБКА С ПРОШЛЫМ

18+

КУДРЯШОВ ГРИГОРИЙ

Григорий Кудряшов

Коробка с Прошлым

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

Коробка с Прошлым / Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026

Фёдор — тридцатилетний офисный работник, чья жизнь трещит по швам: долги, ссоры с женой, угроза увольнения и преследующее чувство, что он повторяет путь своего никчёмного отца. Всё меняется, когда после смерти отца Фёдор находит в его квартире старую колоду карт — и одна из них, цветной джокер, начинает с ним говорить. Джокер обещает решить все проблемы Фёдора, но за каждую помощь придётся платить — своей волей, трезвостью и, возможно, тем немногим, что ещё делает его человеком. Выбор прост: принять руку демона или навсегда остаться на дне.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

Коробка с Прошлым

Коробка с прошлым

Глава 1. Тишина после бури

Тишина в квартире была почти неестественной. Она гудела в ушах, давила на виски, пропитывала воздух, как запах горелого масла после неудачного ужина. Фёдор сидел на кухне, облокотившись на стол, и смотрел на стену, где когда-то висели часы — Алина сорвала их неделю назад, когда они в очередной раз ссорились из-за его вечных опозданий. «Зачем тебе часы? — кричала она тогда. — Ты всё равно не умеешь смотреть на время!» Часы улетели в мусорное ведро, а на стене остался лишь светлый прямоугольник — немой след чужой вспышки.

Сейчас Алины не было. Она уехала к родителям три часа назад, хлопнув дверью так, что задрожал косяк. Фёдор до сих пор слышал этот звук — резкий, окончательный, как удар по лицу. Скандал вспыхнул на пустом месте. Впрочем, как всегда в последнее время. Причина была ничтожной: он забыл оплатить счёт за интернет. Забыл. Просто вылетело из головы. Алина заметила, потому что её онлайн-магазин завис на полдня без связи. Она позвонила ему на работу, и в её голосе уже звенел лёд. Потом были слова. Много слов. Упрёки, переходящие в обвинения, обвинения — в крик. Фёдор не оправдывался, он вообще перестал это делать в последнее время, просто стоял и слушал, чувствуя, как внутри что-то сжимается в маленький, плотный комок.

— Ты вообще слышишь себя?! — кричала Алина, и её голос срывался на визг. — Ты стал другим, Фёдор! Ты ходишь, как робот, как чужой человек! Я не знаю, о чём ты думаешь, о чём молчишь! Ты хотя бы раз можешь ответить?!

Он хотел ответить. Правда, хотел. Но слова застревали где-то в горле, будто он разучился ими пользоваться. Он только смотрел на неё — на её перекошенное от обиды лицо, на тёмные круги под глазами, которые появились из-за бессонных ночей, на бьющуюся на шее жилку. Она была права. Он стал другим. Только вот кто сделал его таким?

На самом деле он знал, кто сделал его таким. И это не было тайной. Работа. Его чёртова работа, которая сжирала его по кусочку, оставляя лишь пустую оболочку. Ещё полгода назад всё было иначе: он приходил домой уставший, но довольный, с чувством, что день прошёл не зря. Теперь же каждый поход в офис превращался в пытку.

Сокращения начались в начале осени. Сначала ушли трое из отдела, потом ещё двое. Фёдора не тронули, но навесили на него обязанности уволенных, пообещав «временную доплату», которая так и не появилась. А потом исчезли и премии — те самые, на которые они с Алиной рассчитывали, планируя отпуск. Вместо отпуска получился бесконечный аврал. Начальник, Виктор Сергеевич, избегал его взгляда, когда Фёдор спрашивал о повышении или хотя бы о возврате прежних условий. «Ты пойми, кризис, сокращение штата, надо потерпеть», — говорил он, но в его голосе не было ни капли сочувствия, только раздражение.

Фёдор терпел. Терпел, потому что боялся остаться без работы. Потому что ипотека, потому что Алина, потому что он сам — человек, который должен был доказать, что вырвался из нищеты. Он вкалывал по двенадцать часов в сутки, забывал поесть, срывался на коллег, а потом, возвращаясь домой, выплёскивал накопившуюся желчь на жену. Нет, он не кричал. Он молчал. Но это молчание было хуже любого крика — оно было стеной, которая росла между ними с каждым днём.

Сегодняшняя ссора из-за неоплаченного интернета была лишь верхушкой айсберга. Под водой скрывалось всё: его бессилие, его страх, его злость на себя, на работу, на весь мир. Он не мог сказать Алине, что боится потерять работу, потому что тогда ему пришлось бы признать: его «светлое будущее» снова под угрозой, и на этот раз он может не выкарабкаться.

Алина ушла, швырнув на пол подушку с дивана. Дверь хлопнула. Фёдор остался один в стерильной, вылизанной до блеска квартире, которая теперь казалась ему чужой, как гостиничный номер. Они так старались, так мечтали о собственном жилье, а теперь, когда всё получилось, оказалось, что стены не спасают от одиночества. Они только подчёркивают его, делают гулким, как пустой колодец.

Он налил себе воды из-под крана, хотя в холодильнике стояла фильтрованная. Сделал глоток. Вода отдавала хлоркой. В детстве он пил такую каждый день, заедая куском чёрствого хлеба. Вкус был тот же. Прошное всегда где-то рядом, оно прячется в мелочах — в запахе, во вкусе, в звуке. От него не убежишь, как бы быстро ни бежал.

Телефон на столе завибрировал. Фёдор вздрогнул. Не потому что звук был громким, а потому что он уже отвык от звонков в такое время. На экране высветился незнакомый номер. Некоторое время он тупо смотрел на мигающие цифры, борясь с желанием сбросить. Потом всё-таки провёл пальцем по стеклу.

— Аллю.

— Фёдор Сергеевич? — голос в трубке был сухим, казённым, как осенний лист под ногой.

— Да. Кто это?

— Вас беспокоит нотариальная контора Громова и партнёры. Меня зовут Валерия Дмитриевна. Мне необходимо сообщить вам... — она запнулась, будто подбирая слова помягче, хотя такие слова не могли быть мягкими в принципе, — о смерти вашего отца.

Пауза. Фёдор молчал. Где-то на кухне капала вода из крана, который он не до конца закрыл. Кап. Кап. Кап. Стук по нервам.

— Вы меня слышите? — уточнила нотариус.

— Слышу, — ответил Фёдор, и собственный голос показался ему незнакомым, чужим. — Когда?

— Вчера. Тело обнаружили соседи. Причина устанавливается. Но это не насильственная смерть, — быстро добавила она, будто это могло его утешить.

— Понятно.

Понятно ли? Он не знал, что сказать. Внутри было пусто. Ни боли, ни печали, ни облегчения. Просто информация, как сводка с фронта: где-то далеко произошло что-то, что не имеет к тебе прямого отношения. Но это имело. Прямое.

— Вы являетесь единственным наследником первой очереди, — продолжала женщина. — Ваш отец оставил завещания? Нет, не оставил. Квартира, автомобиль, и... — она снова помедлила, — и долговые обязательства. Вам необходимо явиться к нам для ознакомления с документами и принятия решения о вступлении в наследство.

— Какие долговые обязательства? — впервые за весь разговор Фёдор почувствовал что-то похожее на укол тревоги.

— Кредитные договоры, займы. Я не могу озвучить сумму по телефону. Но она значительная. Значительно превышает стоимость наследуемого имущества.

Значительная. Он услышал это слово, и оно упало куда-то в желудок, тяжёлое, как камень. Конечно. Конечно, отец не мог оставить ему просто так. Не мог просто исчезнуть, не плюнув напоследок в лицо.

— Я вас понял, — сказал Фёдор. — Приеду. Завтра.

— Запишите адрес.

Он не стал ничего записывать. Адрес сбросили в сообщении. Он положил телефон на стол и долго сидел неподвижно, слушая, как капает вода. Отец умер. Человек, который был ему

отцом лишь биологически, но не по-настоящему, покинул этот мир, оставив после себя только разрушение. Даже после смерти он продолжал разрушать. Как мина замедленного действия, заложенная много лет назад, она сработала именно сейчас — когда Фёдор и так стоял на краю.

Он поднялся, подошёл к окну. Во дворе горели фонари, жёлтым светом заливая пустую детскую площадку. Машина Алины у подъезда отсутствовала. Дом, в котором они жили, был новым, но от этого не менее чужим. Он смотрел на аккуратные ряды окон, на машины, припаркованные вдоль бордюров, на людей, спешащих домой с работы. У каждого из них была своя жизнь. Свои ссоры. Свои отцы. Свои долги.

Фёдор вдруг вспомнил, как в детстве мечтал: вырастет, уедет, заработает денег, женится на красивой, доброй женщине, заведёт детей и никогда, никогда не будет похож на отца. Он так отчаянно верил в эту картинку, что она стала его религией. И вот он стоит здесь, в новой квартире, с хорошей работой, с красивой женой — только жена уехала, работа висит на волоске, а в телефон только что ворвалось известие о смерти человека, которого он ненавидел всю жизнь.

Ирония.

Он вернулся к столу, машинально поправил солонку, которую сдвинула Алина, когда собирала вещи. На столешнице остался след от её ладони. Фёдор провёл по нему пальцем. Холодная.

А ещё были соседи. Эти проклятые соседи с девятого этажа, которых он затопил три недели назад. Фёдор до сих пор помнил тот вечер в мельчайших деталях. Он вернулся домой поздно, уставший, голодный, мечтал только о душе и кровати. Алина спала. Он тихо прошёл на кухню, чтобы выпить воды, и услышал странный звук — шипение, будто где-то травили газ. Сначала не придавал значения, но звук не утихал. Он открыл дверь в ванную и обомлел: из стены под раковиной хлестала вода, заливая пол, стекая по стенам вниз, к соседям. Труба лопнула, и остановить поток было невозможно — вентиль заклинило.

Он звонил в аварийку, но пока они приехали, прошло сорок минут. Сорок минут ада. Вода просочилась на три этажа вниз, испортила натяжные потолки, ламинат, мебель. Соседи — молодой парень с беременной женой — сначала просто кричали, потом перестали разговаривать с ним вовсе. А через неделю выставили счёт: почти полмиллиона рублей на ремонт и испорченное имущество. Фёдор смотрел на эту сумму и не понимал, где её взять. Страховка не покрывала, потому что полис был оформлен на другой случай — как оказалось, на самый бесполезный.

Он пытался договориться, предлагал рассрочку, своих знакомых мастеров, но парень упёрся: только деньги, и как можно быстрее. В его глазах Фёдор видел не столько злость, сколько презрение. Для них он был не человеком, попавшим в беду, а источником их проблем, который должен заплатить и исчезнуть. Алина тогда впервые за долгое время встала на его сторону, но это мало что меняло: денег не было.

И теперь, сидя на кухне после её ухода, Фёдор снова прокручивал в голове эти события. Работа, ссоры, потоп, долг, а теперь ещё и смерть отца. Всё свалилось разом, как будто кто-то наверху решил проверить, сколько он выдержит, прежде чем сломается.

Завтра он поедет туда. В ту квартиру. В тот запах. В то прошлое, от которого бежал так, что, казалось, лёгкие сгорят. Нужно было просто осмотреть, принять решение и, возможно, отказаться. Но он знал, что не откажется. Не потому, что хотел наследство. А потому что судьба — если она существует — никогда не оставляла его в покое. Она снова подкинула ему билет в ад, и он должен был туда пойти, хотя бы для того, чтобы убедиться, что ад всё ещё существует.

Кап. Кап. Кап.

Он закрутил кран до упора. Тишина стала полной.

В этой тишине прошлое уже стояло за плечом и дышало в затылок.

Глава 2. Дорога в никуда

Утро встретило Фёдора серым, низким небом, будто сам город скорбел о чём-то своём, не имеющем к нему отношения. Он проснулся рано, ещё до будильника, и долго лежал, глядя в потолок, по которому пробегали тени от веток за окном. Сон был рваным, тревожным, полным обрывочных образов: то ему снился длинный тёмный коридор, то чьи-то голоса, зовущие его по имени, то холодный ветер, задувающий в открытую форточку. Фёдор поднялся с постели, чувствуя во всём теле свинцовую тяжесть, будто за ночь мышцы пропитались усталостью. Он натянул джинсы, старую футболку, в которой ходил по дому, и босиком прошлёпал на кухню. Квартира встретила его той же гулкой пустотой, что и вечером. Алина так и не вернулась и не написала. Он не ждал. В последнее время он вообще перестал ждать чего-либо хорошего.

На кухне он машинально включил чайник, хотя пить не хотелось. Затем сел за стол, подпер голову рукой и уставился в одну точку. Перед глазами стоял вчерашний разговор. Нотариус говорила о долгах, и в её голосе слышалась плохо скрываемая дежурная брезгливость — так говорят с людьми, чья жизнь пошла под откос. Фёдор знал, что должен что-то чувствовать: горечь, злость, страх, облегчение? Но внутри было тихо, как в выключенном радиоприёмнике. Только где-то глубоко, на самом дне, шевелилось что-то смутное, похожее на предчувствие беды.

Он оделся, взял ключи от машины, но у двери замер. Ехать не хотелось. Физически не хотелось — будто ноги приросли к полу. Но он пересилил себя. Прошное не отпустит, пока сам в него не заглянешь. Фёдор вышел из квартиры, аккуратно закрыл дверь на два оборота и спустился во двор.

Машина завелась с пол-оборота. Хоть что-то в этой жизни работало исправно. Он выехал со двора, влился в поток и сразу попал в пробку. Город стоял в утренней суете: люди спешили на работу, автобусы ползли, сигналя, светофоры мигали жёлтым. Фёдор смотрел на всё это отстранённо, как зритель из тёмного зала. Он поймал себя на мысли, что давно уже не ощущает себя частью этого мира. Раньше, когда он только начинал, каждая поездка по городу приносила чувство причастности — он строил свою жизнь, он был в центре событий, у него была цель. Теперь он просто плыл по течению, механически переключая передачи.

Дорога до старого района заняла больше часа. Он специально не поехал через центр, выбрал объездные пути, где меньше светофоров, зато больше серых панельных многоэтажек, обшарпанных ларьков и унылых гаражей. Это был район, из которого он вырвался когда-то, и вот теперь возвращался — как преступник на место преступления.

Отец жил на окраине, в старом кирпичном доме, которому было лет пятьдесят, если не больше. Фёдор припарковался у соседнего двора, заглушил мотор и какое-то время просто сидел, глядя на этот дом. Он почти не изменился. Разве что стал ещё серее, ещё мрачнее. Окна, где когда-то жила их семья, были тёмными, за стёклами угадывались какие-то тряпки, занавески, коробки. Дом дышал тоской. Фёдор выдохнул, вышел из машины и направился к подъезду.

Внутри пахло кошками, сыростью и чужим ужином. Этот запах ударил в нос так знакомо, что на мгновение Фёдор снова стал десятилетним мальчиком, который возвращается из школы с тяжёлым портфелем и пустым желудком. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение, и поднялся на третий этаж. Дверь в квартиру отца была опечатана, но нотариус сказала, что соседка снизу откроет — у неё был запасной ключ. Фёдор постучал в соседнюю квартиру, но никто не ответил. Тогда он спустился этажом ниже и постучал снова. За дверью послышались шаркающие шаги, и в проёме показалась маленькая сухая старушка с недоверчивым взглядом.

— Вы от нотариуса? — спросила она, подозрительно шурясь.

— Да. Я сын. Фёдор.

Старушка долго разглядывала его, будто искала в нём знакомые черты. Потом кивнула, зашуршала ключами и протянула ему связку.

— Третий этаж. Открывайте. Я уж смотрела, когда из милиции приходили. Там страшно, но я туда больше не заходила. — Она помолчала, перекрестилась. — Упокой, Господи, душу его. Прости, что так говорю, но хорошего человека не стало.

Фёдор кивнул, не зная, что ответить. Хорошего? Нет, он бы так не сказал. Но спорить со старушкой не стал. Взял ключ и поднялся вверх.

Дверь поддалась с неприятным скрипом, будто не хотела пускать его внутрь. Фёдор переступил порог и замер.

Запах был таким, что перехватило дыхание. Это была смесь пыли, старой мебели, табака, застоявшегося воздуха и чего-то ещё — неуловимого, но такого знакомого, что к горлу подкаптал комок. Так пахло его детство. Так пахло безысходность.

Квартира была маленькой, тёмной, заставленной старым хламом. В прихожей громоздился рассохшийся шкаф, на вешалке висели какие-то пальто, уже тронутые молью. Пол скрипел под ногами. Фёдор прошёл в комнату и огляделся. Всё было таким же, как много лет назад, только ещё более обветшалым. Диван, на котором он спал в детстве, продавлен, подлокотники вытерты до дыр. На стене — пожелтевшие обои с выцветшим узором. Телевизор — старый, с пузатым экраном. Шкаф-стенка, забитый посудой, книгами и какими-то коробками. И этот запах.

Фёдор медленно прошёл по комнате, стараясь не наступать на мусор, которого было немного, но всё же достаточно, чтобы понять: отец в последние годы совсем опустился. На столе лежали пустые пачки от сигарет, грязные стаканы, засохшие корки хлеба. В углу — батарея пустых бутылок. Фёдор отвернулся.

Он подошёл к серванту — высокому, тёмному, с резными ножками. Его мать когда-то гордилась этим сервантом, натирала его до блеска, расставляла на полках хрустальные рюмки и вазочки. Теперь всё это стояло здесь, покрытое толстым слоем пыли. Фёдор провёл пальцем по стеклянной дверце — остался след. Он посмотрел на своё отражение в мутном стекле. Взрослый, уставший мужчина смотрел на него. Где-то внутри этого мужчины всё ещё жил мальчик, который хотел сбежать отсюда.

И тут он вспомнил про карты.

Это воспоминание пришло внезапно, как вспышка. Сервиз — старый, с золотистой каймой, стоял на верхней полке серванта. На нём, между чайником и сахарницей, лежала маленькая картонная коробочка. Игральные карты. В детстве они необъяснимо притягивали его. Он помнил, как тянулся к ним на цыпочках, как мать шлёпала его по рукам и кричала: «Не трогай! Нельзя!» Отец молча сидел на диване и смотрел телевизор. Фёдор так никогда и не узнал, почему карты нельзя было трогать. Запрет лишь распалил его воображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.